

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Честь

**Серия «Сатирические
миниатюры для сцены»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805515

Аннотация

«Звуки отдаленной музыки. Весенняя звездная ночь. Старый, разросшийся, запущенный сад, огражденный глубокой канавой; мраморная, потемневшая и осыпавшаяся балюстрада. Над вершинами деревьев темная масса замка; все окна ярко светятся, на четырехугольной зубчатой башне догорают смоляные бочки, кидая в сад неверные свету. Графиня одна, задумавшись, сидит на каменной скамье; на ней белое торжественное платье, в волосах коронка. По неровным, покривившимся ступеням со стороны замка опускается старый граф; впереди его, согнувшись и освещая путь фонарем, идет Астольф, приближенный слуга, старик, похожий на своего господина...»

Леонид Николаевич Андреев Честь (Старый граф) *Драма-пародия*

Звуки отдаленной музыки. Весенняя звездная ночь. Старый, разросшийся, запущенный сад, огражденный глубокой канавой; мраморная, потемневшая и осыпавшаяся балюстрада. Над вершинами деревьев темная масса замка; все окна ярко светятся, на четырехугольной зубчатой башне догорают смоляные бочки, кидая в сад неверные светы. Графиня одна, задумавшись, сидит на каменной скамье; на ней белое торжественное платье, в волосах корона. По неровным, покривившимся ступеням со стороны замка опускается старый граф; впереди его, согнувшись и освещая путь фонарем, идет Астольф, приближенный слуга, старик, похожий на своего господина.

Граф (не видя дочери, громко и гневно). Поднять

мосты! Гасить огни! Разогнать всю челядь, баронов пригласить в опочивальни. Пусть спят, пусть спят! Мы слишком долго ждали жениха, и хотя его сосватал император, – мы слишком бедны, чтобы всю ночь горели масло и смола! Гасить огни!

Астольтф. А как прикажет граф относительно столов?.. Оставить их до завтра?

Граф. Все выбросить собакам! Впрочем... мы слишком бедны, Астольтф, чтобы последний наш кусок бросать собакам; мы сами голоднее собак. Нет, Астольтф, покорми моих голодных, как и я, баронов, а остатки спрячь в кладовые и выдавай нам понемногу, чтобы надолго хватило. Понемногу, Астольтф, понемногу: в нашем положении надо быть бережливым.

Астольтф. Бароны...

Граф. Понемногу, Астольтф! Будь, как та благоразумная мещанка, что, выдав дочку замуж, полгода ест остатки. Береги каждый кусок, высчитывай, сообрази, а если плесень – соскобли и нам подай на стол, и этому мы будем рады!

Астольтф. Бароны гnevаются. Уже с утра они ждут герцога, высоконазванного жениха благородной графини Эльзы...

Граф. Бароны! А ты, старик, доволен? Довольные не держат руку на мече, а ты... А, вы здесь, графиня? Одна, без приближенных дам? Иди, старик.

Астольф, поставив фонарь на край балюстрады, уходит.

Ваш жених не торопится, графиня Эльза: уже ночь давно, а его все нет. С утра раскрыли мы объятия навстречу дорогому зятю и ловим только воздух... Не кажется ли вам, графиня, что в этом запоздании есть неуважение и к вам, и к вашему отцу?

Графиня молчит.

Вы молчите?.. Вы правы, вы должны молчать, когда идет речь об уважении к отцу. Ваш отец болен гордостью... так, кажется, определяю я болезнь? – и наш добрейший император, как врач искусный, прописал ему зятя для приема внутрь... Ха-ха! для приема внутрь! И мы раскрыли ворота, как рот: широко и покорно, а зятя-то и нет. Ха-ха! Смешное врачевание недуга! Но не кажется ли вам, графиня, несколько странную любовь, у которой такие короткие шаги? Вы плачете, графиня?

Эльза *(плачет)*. Отец, с ним случилось несчастье. Я чувствую это: с ним случилось несчастье.

Граф. С ним? Как странно: а я ведь думал до сих пор, что несчастье случилось с нами.

Эльза. С самого утра, как только я взглянула на нынешнее солнце, мной овладела тоска мучительных предчувствий. Тоскую и жду его напрасно, а день бежит, и уж зашло сегодняшнее солнце... Он умер, отец, я знаю это.

Граф. Насколько мне известно, здоровье герцога в прекрасном состоянии: ваш страх, графиня, преувеличен, как... и любовь. Под охраной императорского эдикта он спокойно и неторопливо проходит наши владения... Что ему ненависть моих голодных, оборванных баронов, бессильно ляскающих зубами, раз голову осеняют императорские крылья и хищный императорский клюв!

Эльза. Но его нет! Уже ночь, а его нет!

Граф. Да, уже ночь, а его нет. О, если б я не был нищим графом, над которым смеются при дворе, если бы не осыпались зубцы моих башен, если б тою же твердыней недоступной стоял мой замок, как при моем великом деде, – о, тогда герцог не опоздал бы! Он был бы вежлив и почтителен, как ничтожнейший из вассалов, с которым я делюсь последним достоянием моим; он прискакал бы утром и, преклонив колена, как пес, лизал бы эту руку!

Эльза. Его избрало мое сердце.

Граф. Он мой враг.

Эльза. Ты его не знаешь! Ослепленный ненави-

стью к роду, ты уже ненавидел его, еще не видел его ни разу!

Граф. Род льстецов, низкопоклонников, ползающих у подножья трона. Там, где нужно брать, они выпрашивали, свободной доле волка они предпочли конуру цепной собаки; они наверняка хотят быть сыты. Предатели вольности нашей, – это они разрушили мой замок, и в его бойницах, безвредных теперь, вьет гнездо воронье. Слуги смеются исподтишка, когда я кричу: поднять мосты! – как будто нет тысячи калиток, дыр, лазеек, как будто не может всякий войти в мой беззащитный дом, когда захочет. Поднять мосты! *(Смеется.)*

Эльза. Ты несправедлив, отец. Мой Генрих прям и благороден. Разве с лицом открытым, с ясным взором, он не протянул тебе руку, умоляя...

Граф. И я не принял его руки.

Эльза. Умоляя согласиться на наш брак. А ты? С жестокостью слепца...

Граф. Зачем так мягко, Эльза? Ты можешь говорить с отцом еще смелее. За тобой стоит наш император, его нежные когти придерживают мою голову склоненной, его мягкий и любовный клюв расчесал сегодня мои седые волосы для встречи жениха. Будь смела и благородна, Эльза, как твой жених. Нищий граф не хочет отдать дочери, – какая наглость! Мы пойдем

тогда к императору, мы на брюхе подползем к ступеням трона, и император отдаст нам то, что ему не принадлежит: прекрасную дочь нищего графа! И дочь пойдет, а нищий граф...

Эльза. Сжался надо мной, отец. Я так люблю?

Граф. Я также любил когда-то, но если бы твоя мать была похожа на тебя, – я выбросил бы ее за порог, как последнюю рабу, мужичку, тварь, пригодную лишь на то, чтобы служить прихоти господ!

Эльза. Вы забываетесь, граф? Когда на предложение герцога, просившего моей руки, вы ответили грубым и оскорбительным отказом, я сама пала к ногам государя, умоляя его вступить за несчастных любовников, смягчить своей божественной властью ваше жестокосердие.

Граф. Да, да – божественной, конечно.

Эльза. И в декрете на ваше имя наш всемилостивейший император принимает меня под свое покровительство и называет дочерью своей и вашей. Вы оскорбляете его!

Граф низко склоняет голову.

Граф. Прошу прощения, герцогиня. Не будет ли каких распоряжений, прихотей, капризов даже – мой замок к услугам вашим и герцога. Кажется, я поступил

оплошно: я приказал гасить огни – сейчас зажгутся новые! Дайте огней, катите бочки со смолой: всю ночь мы будем ждать запоздавшего жениха, глаз не сомкнем в волнении любовном, в покорности собачьей!

Эльза. Отец, прости меня.

Граф. Скорее! Иначе наш добрый император может рассердиться. Ему уже давно противен нищий граф, смеющийся быть гордым, и завтра же он выгонит его из отчего гнезда, а самое гнездо разрушит, с землей сровняет. *(Притворно планет.)* Куда пойти тогда бедному графу? Он нищ и гол, его кусают за ноги крестьянские собаки, над ним смеются женщины и дети. Куда пойти бедному старому графу? *(Становится на колени перед Эльзой и ловит ее руки.)* Всемиловейшая герцогиня, умоляю вас, сжальтесь над стариком, попросите нашего доброго государя, заверьте его в послушании моем...

Эльза. Ну, что ты! Что ты! Встань.

Граф. Умолите его, всемиловейшая, не разрушать гнезда, в котором родился нищий граф! Здесь знаком ему и дорог каждый камень, каждая потерянная ступень в глухих и мрачных переходах. Ребенком ползал он по плитам каменного двора, с той башни юношей смотрел он вдаль и думал покорить миры, короною украсить голову последнего в роду великих! Здесь встретил он жену и здесь, в тени вон тех дере-

вьев, качал он маленькую девочку, дочь маленькую, маленькое солнце – Эльзу...

Эльза (*плача*). Что ты делаешь со мной, отец! Пусти! Ты ломаешь мне руки... ай! Или ты и вправду плачешь? – Да, да, руки мои мокры от слез... Ты плачешь, отец! Пожалей меня, я так люблю, я не знаю, что делается со мною. Что с ним? Почему он не едет? Мое сердце перестает биться от страха, я весь день дрожу, где-то здесь я чувствую его смерть. Пожалей меня, отец, успокой меня... Вспомни мою мать, как была она прекрасна, как ты любил ее...

Граф встает с колен и отходит к ступеням.

Граф. Успокойтесь, графиня. Воля нашего государя будет точно исполнена. Замок готов к приему высшего жениха. Кажется, огни действительно начинают гаснуть... Сейчас прикажу дать новых!

Эльза. Отец!

Граф. Не прикажете ли прислать сюда ваших дам?. Впрочем, любовь нуждается в уединении... Простите старика, который позабыл, как любят. Ваш слуга!

Поднимается по ступеням. Эльза одна.

Эльза. Бедный отец, как он страдает! Он совсем

не знает моего Генриха. Когда он узнает, то полюбит его, – как я. Но отчего мне так страшно сегодня? Я не люблю нашего старого, заросшего, зеленого пруда; в нем так много лягушек, и они прыгают из воды... брр! А сегодня он показался мне страшным. Когда я проходила мимо и увидела в неподвижной воде отражение черного замка, его светящихся в глубине окон, я подумала, что таким должен быть дворец смерти. Смерть!.. Но если смерть, то почему же я чувствую Генриха где-то близко, совсем близко, и на губах моих я слышу его поцелуи, и грудь моя... Ай!

Вскрикивает от неожиданности и страха. Из чащи внезапно появляется герцог.

Эльза. Кто это?

Генрих. Эльза! Любовь моя, моя невеста!

Эльза. Генрих!

Замирает в объятиях. На верхней ступени, привлеченный криком Эльзы, появляется Астольф, смотрит мгновение и скрывается.

Почему так долго? Так можно умереть от ожидания, от тоски, от страха! Покажите мне лицо ваше... Да, это вы, это ты. Генрих, почему так долго? Почему ты

молчишь, Генрих? Или ты умер, и это – твой призрак?

Генрих. Да, это мой призрак.

Эльза. А почему так горячи губы? У призрака губы холодны и немые.

Генрих. Их сожигает адский пламень.

Эльза. А почему так светятся твои глаза, призрак? У призрака глаза тусклы и немые.

Генрих. В них отсветы рая! Любовь моя, моя невеста – как я люблю тебя, Эльза! Какой сегодня длинный день!

Эльза. Какой сегодня страшный день!

Генрих. Я измучился, я бросил моих баронов и воинов, – они подвигаются так медленно и торжественно, – я прискакал вперед, и какое счастье: я встретил тебя здесь одну. Любовь моя, неужели ты ждала меня, меня?

Эльза. Нет. Но какой странный на вас плащ.

Генрих. Это плащ моего оруженосца; я не хотел, чтобы меня узнали. Это не я, это мой призрак, Эльза: герцог идет там, с баронами своими.

Эльза. Уже близко?

Генрих. Ты скоро услышишь их трубы, – и тогда мой призрак покинет тебя.

Эльза. Надолго?

Генрих. Любовь моя!

Целуются и тихо разговаривают. На верхней ступени лестницы показываются граф и старый Астольф. Молчание.

Астольф (*шепотом*). Смотрите, граф, смотрите.

Граф (*так же*). Смотрю, Астольф.

Астольф. Это герцог.

Граф. Ты думаешь?

Астольф. Кому же больше? Это герцог.

Граф. А плащ?

Астольф. Но я узнаю его лицо, – это герцог.

Граф. А я сомневаюсь. Это кто-то другой. Да, да, старик, не удивляйся, это кто-то другой... Боже, какая ужасная мысль: графиня Эльза изменяет своему благородному жениху, и пока он на крыльях любви стремится сюда, она принимает какого-то проходимца... Вот каковы женщины, Астольф! (*Смеется.*)

Астольф. Вы шутите, граф.?

Граф. Разве то, что ты видишь, похоже на шутку?

Астольф. Но это, ей-Богу, герцог!

Граф. Молчи, старик! Или ты считаешь герцога способным на такое неуважение к нам? По-твоему, герцог может влезть ночью, через дыру в стене, как вор, как хорек, подбирающийся к курам? Герцог нам навязан императором, это правда, но герцог уважает нас... Ты, кажется, опять кладешь руку на меч?

Астольф. Я начинаю сомневаться. Ваши глаза острее моих, граф.

Граф. И разве тут не темно?

Астольф. Темно.

Граф. И разве в темноте нельзя ошибиться?

Астольф. В темноте можно ошибиться. Да, это не герцог.

Граф. Бедный герцог! Быть так гнусно обманутым, и когда же – накануне свадьбы! Но мы вступимся за его честь, за которую сам он постоять не может.

Астольф. Да, это не герцог. Теперь я вижу.

Граф. Тише! Возьми трех слуг, выбери тех, что голоднее – голод придает им силы... ах, негодяи, как он сладко целует мою дочь, невесту благородного герцога!.. И жди проходимца: а когда он пойдет, схватить его и бросить в пруд! Тише! Свинцу на ноги и камней! Тише... Как он сладко целуется, похититель моей чести!

Астольф. Да, теперь и я вижу ясно: это не герцог!

Граф. Тише!..

Уходят.

Эльза. Почему так долго?

Генрих. Какой длинный, какой насмешливый день. Весь день, с утра, как только я увидел нынешнее солнце, я стремлюсь к тебе, но земля держит мои но-

ги. Тысячи приключений, тысячи несчастий! Без причины падает мой конь; я беру нового, у которого восемь, двенадцать ног, и скачу! Мой путь преграждает разлив реки, – я бросаюсь в воду и плыву... Тонут кони и люди... но вода не берет меня...

Эльза. Ай!

Генрих. Что с тобой?

Эльза. Нет, ничего, мне что-то послышалось. Ты говоришь: вода.

Генрих. На пути мы попадаем в сражение: какие-то безумцы осыпают друг друга свинцом, – но мы пробиваемся сквозь, и свинец не берет меня.

Эльза. Ты говоришь: свинец... Я слушаю, это я так оглянулась.

Генрих. Мы скачем по горящему городу, и ему нет конца, а уже наступает ночь, – и вот снова падает мой конь! Бароны ропщут, везде им чудятся предзнаменования; нахмутив брови, всегда бесстрашные, теперь они со страхом смотрят в даль пути и просят сделать остановку, – им не нравится сегодняшнее солнце. Но я кричу: вперед! К возлюбленной моей! К невесте, ждущей жениха, – вперед! И вот я здесь, с тобою, касаюсь плеч твоих и нежных рук, ловлю дыханье чистых уст твоих, теряю понимание жизни: что правда здесь, что сон? Но ты молчишь? Ты смущена?.. Как колокольчик, бьется сердце за корсажем, – скажи, что думаешь?

Эльза. Нет, ничего. Мне также не понравилось сегодняшнее солнце.

Генрих. Его уж нет, оно зашло!

Эльза. Оно зашло, его уж нет, – а ты со мною. Но нет, ведь это же не ты: твой призрак только, с горячими губами и светлым взором!

Громко трубят трубы.

Это идет герцог!

Генрих. Это идет герцог.

Эльза. Боже, как я сознаюсь ему в моей измене: ведь я кого-то поцеловала!

Генрих. Идет герцог, и призрак должен удалиться. Ах, не смешно ли: чуть ли не ревность я чувствую к счастливцу, который смеет звать тебя так громко!

Эльза. Как он гордо шествует! С ним идут бароны, закованные в латы.

Генрих. И воины в доспехах. Медленно и важно ступает конь, весь в золоте и дорогих уборах... и на пустом седле...

Смеются. На верху лестницы показываются четыре осторожные тени и пропадают в темноте. Вторично на том же месте трубят трубы.

Прощай, любовь моя!

Эльза. Еще одну минутку.

Генрих. Они у ворот. Они сказали, что, если после третьего зова я не вернусь, они ворвутся в замок. Они боятся за меня.

Эльза. Да, отец гневен.

Генрих. Он еще не знает, что я везу ему от императора милость: по моим настояниям, мольбам и просьбам, ему возвращены прежние владения...

Эльза. Как ты добр!

Генрих. Я люблю тебя. Прощай, моя любовь, мое счастье, мое завтрашнее солнце. На мгновение, как призрак, явился я тебе, чтобы через мгновенье – слиться с тобою навсегда в любви и жизни!

Эльза. Еще одну минуту.

В третий раз трубят трубы.

Генрих. Зовут. О, какое нетерпение, – иду! Прощай, любовь моя.

Эльза. Нет, до свиданья. Генрих, любовь моя: я жду, я жду, – я жду тебя! Генрих, откликнись, одно только слово... Генрих!

Из-за деревьев из темноты доносится тихое: Эльза!.. Вслед за тем слышен как бы шум борьбы,

подавленный глухой крик – и наступает тишина.

(Испуганно.) Генрих!.. Нет, тихо. Но кто же крикнул там? Нет, показалось. Нет, да нет же, тебе показалось, Эльза!

Настойчиво и продолжительно режут трубы.

Милые трубы! Как весело поют они. Громче, медные трубы, веселее, медные трубы: осветите темный путь моему жениху, призраку с горячими губами. Он опоздал немного, он идет, – не сердитесь на него, медные: целуя меня, опоздал он. Ах, Эльза, бессовестная девчонка, у тебя совсем нет стыда: кого ты целовала сейчас в темноте? Или ты думаешь, что твои красные щеки не выдадут тебя? Слава Богу, – вот и смолкли трубы. Теперь он садится на коня, – он входит в ворота замка, отец встречает его... бедный отец!

Отрывисто вскрикивают трубы и смолкают.

Что это? Опять? Значит, так надо, – о чем ты спрашиваешь, Эльза, разве ты знаешь все ихние обычаи? Молчи и смейся. О Боже, вошли!

Возле замка шум и крик, быстро возрастающие.

Сквозь листву иногда просвечивают движущиеся огни факелов.

Это ищут меня. Как мне стыдно, – нет, нет, я не пойду, я буду ждать его здесь. Там так светло, и все увидят мои красные щеки, и вдруг ты, Генрих, взглянешь и улыбнешься... нет, нет, я умру от стыда. Идут сюда, о Боже!

С криком врывается толпа вооруженных людей; в руках обнаженные мечи. Нахмурившись, входят и приближенные графа, держатся в стороне, озлобленно ворчат. Все заливают свет факелов. Голоса: «Герцог! Где герцог?»

Вальдемар. Это вы, графиня? Где герцог? Где Генрих?

Эльза. Я не знаю, о чем вы спрашиваете.

Вальдемар. Где Генрих? Я его друг. Мы ищем по всему замку, и его нет. Я умоляю вас, графиня, откройте нам, где герцог, – вы должны это знать!..

Бароны. Какая наглость!

Эльза. Нет, я не видала его.

Вальдемар. Это неправда! Он бросил нас и поскакал вперед на свидание с вами. Вы видели его, графиня!

Бароны (*обнажая мечи*). Какая дерзость! Зовите графа, здесь оскорбляют его дочь.

– Они заставили нас ждать!

– А теперь они обвиняют графиню в безнравственности.

– Обнажайте мечи!

На верхней ступени показывается старый граф.

Граф. Остановитесь, бароны. Кто обвиняет мою дочь в безнравственности? И кто эти люди, похожие на разбойников с большой дороги?

Вальдемар и приближенные герцога обнажают голы.

Вальдемар. Простите, граф, наше вторжение: мы ищем герцога. Всему миру известно ваше рыцарское благородство, граф, но наша любовь к герцогу не меньше. Наше беспокойство, когда после третьего зова герцог не явился...

Эльза. Не явился?

Граф. Вы меня удивляете. Разве герцог не с вами? Где же он? С утра, раскрыв родственные объятия, мы ждем высоконареченного жениха, и мои бароны уже утомились ожиданием...

Среди баронов ропот.

Где же ваш герцог? Или эта шайка разбойников, забывших рыцарскую честь и осмелившихся обнажать оружие в нашем замке, должна заменить его? Тогда я должен сказать императору: слишком много женихов для одной дочери моей.

Вальдемар. Это вы, граф, должны знать, где он.

Граф. Я?

Вальдемар. Вы! Герцог уже был здесь. Вот его перчатка!

Показывает. Всеобщий ропот.

Вот здесь стояла его нога. Он был на свидании с вашей дочерью.

Крики негодования.

Граф. Вы ошибаетесь, рыцарь. Хотя герцог и против нашей воли входил в наш дом, но он не вор, чтобы ползти в лазейку для лисиц, когда ворота открыты ему настежь. Мы не имеем оснований любить герцога, но в уважении его сану мы отказать не можем. И хотя вы – друг герцога, но вы слишком плохо знаете его,

допуская, что он может отнять честь у своей невесты и ее отца. Ищите его в другом месте... быть может, в попутном кабачке!

Теперь ропот с другой стороны. Бароны громко хохочут.

Вальдемар. Тогда я обещаю весь замок!

Граф. Обещайте. Впрочем... Астольф, поди сюда. Вы уверены, рыцарь, что герцога с вами нет? Это беспокоит меня: я боюсь, не стал ли он жертвой преступления со стороны некоего проходимца... Только самому герцогу, с глазу на глаз, хотел открыть я эту тайну, но раз вы его друг... Рыцари, пусть позор падет на голову графини и ее отца: она не верна герцогу – невеста изменила жениху!

Эльза. Где Генрих? Я схожу с ума, – зачем все эти факелы? От них такой страшный свет; я ничего не вижу. Генрих!

Граф. Какое искусное притворство! А давно ли... Впрочем, расскажи ты, Астольф.

Астольф. Граф призвал меня сюда, – вот на этой ступеньке мы стояли...

Граф. Короче, старик, короче!

Астольф. И кто-то, одетый, как слуга, в плаще дешевом, обнимал графиню. – «Какое несчастье, – ска-

зал мне граф, – графиня Эльза изменяет жениху: никогда этого не было в нашем благородном...»

Граф. Короче, старик!

Астольф. «Возьми же ты, Астольф, трех слуг, – сказал мне граф, – и возьми ты, Астольф, свинцу побольше и камней потяжелее, чтоб привязать к ногам, и жди ты, Астольф... и схвати ты, Астольф...»

Вальдемар. О, небо праведное! И ты сделал это, старик? Но ты же не слеп; речь твоя тиха и сбивчива, но глаза горят, как у волка... Да говори же, старик, где герцог?

Молчание.

Граф (*протягивая руку*). Он там, на дне пруда. Движение.

Эльза. Генрих! Мой призрак с горячими губами! Я иду к тебе, Генрих!

Падает и умирает.

Вальдемар. Ты зверь, а не отец. Эй, взять его и заковать в цепи: мы в клетке повезем его, как волка. Именем императора, – назад, бароны! Со всех сторон поджигайте замок, проклятое гнездо, лишенное птенцов! Пусть вихрь огня поднимется среди ночи! Это бу-

дет твоим брачным торжеством, мой герцог, мой Генрих, мой несчастный друг!

Занавес